

Карина Демина

Хозяйка Серых земель
Люди и нелюди

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д30

Демина, К.

Д30 Хозяйка серых земель. Люди и нелюди / К. Демина. – М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2025. – 510 с. – (Нена-
следный князь).

ISBN 978-5-517-11879-0

От хорошей жены и на каторге не скроешься. Вот и Евдокия со-
бралась за исчезнувшим супругом в самое сердце Серых земель. Ведь
всего-то надобно, что отыскать таинственную их Хозяйку да по-жен-
ски поинтересоваться, за какой такой надобностью она чужих мужей
сманивает? Пусть возвращает Лихослава! А чтоб в пути Евдокия не по-
терялась, да и сопровождения ради, отправится с нею и родственник
разлюбезный, старший актер познаньской полиции Себастьян Ве-
вельский. С ним-то да с верным револьвером не страшны будут ни упы-
ри, ни вурдалаки, ни иная нежить, каковой славятся проклятые сии
места.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11879-0

© К. Демина, текст, 2024
© Е. Матвеева, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

Дорожная

*Хорошо там, где меня нет, но ничего,
я и туда доберусь...*

Высказывание, сделанное Себастьяном,
ненаследным князем Вевельским,
в минуту задумчивости

Грохотали колеса. Глухо, ритмично, и звук этот, к каковому Евдокия, по здравому размышлению, должна была бы привыкнуть за трое суток пути, раздражал неимоверно. Пожалуй, сильнее этого грохота — а порой Евдокии казалось, будто бы щелястый вагон, в котором не то что людей, скот перевозить стыдно, вот-вот рассыплется, — раздражал ее тоненький голос панны Зузинской, а заодно уж и рукоделие ее. Рукодельницею же панна Зузинская, по собственным словам, была отменною, а потому не в силах были помешать творческим ее порывам ни скрежет, ни тряска, ни уж тем паче такая вовсе досадная мелочь, как неудовольствие попутчиков.

Панна Зузинская, ловко перебирая пухлыми пальчиками, вывязывала шаль.

Спицами.

И спицы эти, вида весьма благолепного, подобающего даме почтенного возраста и рода занятий — а была панна Зузинская не кем иным, как свахою, — завораживали взгляд Евдокии. Хищно поблескивала сталь, и вот уже мерещилось, что будто бы не нитки она связывает, но паутину плетет.

— А вот, милочка, в Саповецкой волости, вы, небось, не слышали, так там отродясь водится, что невестушку в новом доме встречают руганью. — Панна Зузинская потянула ниточку, и клубок, на ее коленях лежавший смиренхонько, подпрыгнул.

И сама панна подпрыгнула, наклонилась, отчего пухленькие губки ее сжались куриной гузкой, а на личике мелькнуло выражение крайне неодобрительное, правда, для Евдокии так и осталось загадкой, что же панна Зузинская, которую на вторые сутки пути было милостиво дозволено величать Агафьей Прокофьевной, не одобряла: вагон ли, сам поезд или же те слова, что против воли сорвались с языка.

— Не поминайте Хельма, милочка, а то ведь явится. — Панна Зузинская прижала корзинку локотком, а вот Евдокии за ридикулем пришлось наклоняться. И собирать рассыпавшиеся по грязному полу что стальные перья, что платки, что иные дамские мелочи, которые чем дальше, тем более бессмысленными ей представлялись.

— Так вот, собирается вся родня, что свекор со свекровью, что мужнины братовья со снохами... что иные... и каждый начинает новую невестку хулить, иные и плюются под ноги...

...Евдокия стиснула в руке перо, пытаясь справиться со злостью: судя по всему, плевались не только в Саповецкой волости.

Вагон был грязен.

Там, в Познаньске, это путешествие ей представлялось совершенно иным, и пусть бы дорожные чемоданы из крокодильей шкуры остались в чулане, но...

...не так же!

Тот самый третий вагон, в котором им надобно было ехать, еще на Познаньском вокзале поразил Евдокию какой-то невероятной запущенностью. Был он темен, не то грязен, не то закопчен, некогда выкрашен в темно-зеленый колер, но ныне краска слущилась, осталась пятнами, отчего вагон гляделся еще и лишаиным. По грязным стеклам его змеились трещины, а проводник, которому вменялось проверять билеты, спал под лесенкою. Еще и калачиком свернулся, тулуп накинул для тепла, стервец этакий.

— Спокойно, Дуся, — велел Себастьян, уже не Себастьян, но бравый пан Сигизмундус, студент Королевского университета. И картуз свой поправил.

Надо сказать, что к этому обличью, донельзя нелепому, вызывающему какой-то непроизвольный смех, Евдокия привыкала долго. Она не знала, существовал ли где-то оный пан Сигизмундус на самом деле и сколь многое взял от него Себастьян, но на всякий случай от души сочувствовала этому человеку.

Несообразно высокий, был он худ и нескладен. Крупная голова его, казалось, с превеликим трудом удерживалась на тощей шее, окутанной красно-желтым шарфом, каковой пан Сигизмундус носил и в червеньскую жару, утверждая, будто бы сквозняков бережется. Края шарфа были изрядно обтрепаны, как и кургузый пиджачишко с квадратными посеребренными пуговицами. Штаны пан Сигизмундус носил на лямках, не доверяя этакой новомодной штуkenции, как подтяжки. Ботинки его, размера этак восьмого, но узконосые, лощеные, были украшены шпорами и при каждом шаге, а шаги у пана Сигизмундуса были огромные, Евдокия с трудом за ним поспевала, грозно позвякивали.

Еще пан Сигизмундус страдал вечными простудами, был зануден и склонен к нравоучениям.

— Мы и вправду отправимся...

— Дорогая кузина. — Пан Сигизмундус вытащил из оттопыренного кармана очки вида пречудовищного — с синими блескучими стеклами и серебряными дужками. Оные очки он кое-как пристроил на покрасневшем носу, шмыгнул им, высморкался и со всем возможным пафосом продолжил: — Дорогая кузина, умоляю вас преодолеть в себе предосудительность и внять голосу разума...

Разум как раз утверждал, что ехать в этом вагоне — чистое самоубийство.

Доски гнилые. И отходят. И наверняка внутри сквозит нещадно, не говоря уже о том, что это сооружение, по недомыслию прицепленное к составу, вовсе, быть может, не способно с места стронуться.

— Хотя, конечно, — смешался было пан Сигизмундус, в очках которого мир сделался смутен и мрачен, — я не вправе требовать от женщин разума.

— Что?

— Да будет вам известно, дорогая кузина, что в прошлом номере «Медицинского вестника» увидела свет презанятнейшая статья профессора Собакевича...

И статья, и профессор, и сам журнал Евдокию волновали мало.

— ...он утверждает, что женский мозг много легче мужского, а тако же извилины его упрощены, ввиду чего несомненно, что женский разум также более примитивен, не способен к мышлению абстрактному, а тако же...

— Стоп. — Евдокия поставила саквояж.

Пана Сигизмундуса хотелось ударить.

— Какое отношение это имеет к вагону?

Ее провожатый смутился, но ненадолго.

— Очевидно, что в скудоумии своем, дорогая кузина, прошу не обижаться на меня, ибо желаю я говорить вам исключительно правду, как велит мне то мой родственный долг опекуна и единственного вашего родственника...

...говорил он громко, пожалуй, чересчур громко, и от голоса его женщина, что дремала на лавочке, встрепенулась. Она поправила кружевную свою шляпку из белой соломы, сняла пуховую шаль, которую скатала валиком и уложила в кружевную же корзинку, правда, чересчур крупную, чтобы быть изящною.

— ...вы не способны осознать несомненных преимуществ нашего с вами вояжа...

— Это каких же?

Евдокия повернулась к женщине спиной.

Она ощущала колючий холодный взгляд ее, который был Евдокии неприятен, как и сама она, чистенькая, благодушно-розовая, неуместная на этом грязном перроне.

— Во-первых, — тощий палец пана Сигизмундуса вознесся к небесам, — несомненная экономия. Билет обошелся всего-то в пять медней...

Евдокия и одного не дала бы.

— ...тогда как за второй класс просили уже два сребня, не говоря уже о первом. — Эти слова пан Сигизмундус произнес с немалым раздражением, так, что стало очевидно, сколь глубоко презирает он всех тех, кто выбрасывает деньги за путешествие в первом классе. — Меж тем, логически размышляя, все пассажиры проделают одинаковый путь что по времени, что по расстоянию. Так к чему платить больше?

Евдокия открыла было рот, чтобы рассказать о такой немало-важной вещи, как комфорт, но ей не дозволено было произнести ни слова.

— Если же ты печешься об удобствах, — сказано было сие так, что Евдокия мигом устыдилась, — то я, дорогая кузина, способен обеспечить их. Я взял одеяло. Два.

Два пальца упирались в небеса.

— И флягу с горячим чаем. Бульон. Четыре куриных ножки. Яиц вареных... — Перечисление всего, что пан Сигизмундус счел нужным взять с собой — а судя по количеству чемоданов, список был немаленьким, — грозило затянуться надолго.

— Там дует! — Евдокия обернулась к женщине, которая подошла совсем уж близко, пожалуй, неприлично близко. — Скажите вы ему, что там дует!

— Ах, милочка, — женщина ответила очаровательнейшей улыбкой, столь сладкой, что оною улыбкой можно было глазировать пряники, — вы уж не обижайтесь, но я так скажу, ваш родич прав. К чему платить больше? Поверьте моему опыту, в вагонах второго класса сквозит ничуть не меньше.

Зато выглядят эти вагоны куда приличней.

— Вот! — Пан Сигизмундус одарил новую знакомую благосклонным кивком.

— И чай там подают дурной. Не чай — название одно, а постельное белье и вовсе не свежее. — Она подхватила Евдокию под локоток. — К тому же никогда не могла я спать на этом постельном белье. Только и представляю, кто на нем до меня лежал...

— Лучше спать вовсе без белья?

Женщина рассмеялась журчащим смехом.

— Вы путешница... нет, я вот вожу с собой простыночку... и пуховую шаль. Она места занимает меньше, а греет лучше всякого одеяла... к слову, позвольте представиться — панна Зузинская.

Она протянула Сигизмундусу ручку, которую тот принял осторожно, брезгливо даже, сдавив полненькие, униженные кольцами пальчики.

— Сигизмундус, — представился он, разглядывая что перстеньки, что саму панну, такую всецело благолепную, как сахарная фигурка со свадебного торта. — Студент. А это кузина моя. Дульсиня. Но на Дусю тоже отзывается.

Желание огреть дорогого кузена саквояжем сделалось вовсе нестерпимым.

— А позволено ли будет узнать, куда вы направляетесь? — Панна Зузинская не спешила выпустить Евдокиин локоть, отчего та чувствовала себя добычей.

— Сначала до Журьиной пади, а там и дальше в Серые земли, — говоря это, Сигизмундус приосанился и шарф свой оправил.

— В Серые земли?! — охнула панна Зузинская с фальшивым удивлением. — И панночка?

— Я не могу оставить сестру без присмотра!

— А вы...

— Меня зовет наука! — Сигизмундус ударил в грудь кулаком. — Я в долгу перед нею!

— Неужели? — пробормотала Евдокия, о которой, казалось, забыли. — А мне, дорогой кузен, казалось, что вы в долгу не только перед наукой...

— Пустое, — отмахнулся Сигизмундус и, склонившись к новой знакомой, прошептал: — Эти люди ничего не смыслят в науке. Они думают, будто бы миром правят злотни, а на деле...

Драматичная пауза повисла над перроном, и от этакой нехарактерной для вокзала тишины очнулся проводник, сел, ударившись затылком о ступеньку, и выматерился, к слову, довольно-таки затейливо, с фантазией.

— Что на деле? — шепотом поинтересовалась панна Зузинская.

— Все дело в знаниях. Вот увидите. Я найду ее...

— Кого?

— Бержмовецкую выжлю!

— Кого?!

— Бержмовецкую выжлю! — с придыханием произнес Сигизмундус. — Я докажу, что она существует, и стану знаменит! Я войду в историю! Мое имя будет во всех учебниках...

— Очень за вас рада, — пролепетала панна Зузинская, выпуская Евдокиин локоть.

— Спасибо! — Сигизмундус отвесил поклон, несколько резковатый, верно, оттого панна Зузинская и отшатнулась. — Вы еще услышите обо мне! О Сигизмундусе Бескомпромиссном!

— Это ваша фамилия?

— Нет. — Евдокия не упустила случая отомстить. — Его фамилия Бескаравайчик...

— Наша, дорогая кузина... наша... но согласитесь, что Сигизмундус Бескомпромиссный звучит куда как солидней.

Кузина соглашаться не спешила, но оскорбленно замолчала, надулась, сделавшись похожей на фарфоровую куклу дешевой работы, этакую щекастую, с намалеванным румянцем и глупыми голубыми глазищами.

Впрочем, обманываться Себастьян не спешил.

Выражение оных глазищ, ежели приглядеться, не обещало ничего хорошего.

— Дорогой кузен, — ручка Евдокии стиснула Себастьяновы пальцы с неженской силой, — надеюсь, вы знаете, что делаете.

Хотел бы Себастьян ответить, что, естественно, знает, однако же сомнения его не отпускали.

Третий вагон.

Грязный, не только обыкновенной грязью, что скапливается везде, где обретаются люди, но и той, незримой, от которой вся его натура заходилась немым криком.

Натуру пришлось заткнуть.

Проводник билеты принял, проверил что на свет, что на зуб, после смерил Себастьяна на редкость неприязненным взглядом, для которого не имелось ни единой причины.

— За багаж — пять медней, — сказал он и руку протянул.

Красную, будто бы вареную.

— Помилуйте! — Себастьяну пяти медней было не жаль, однако пан Сигизмундус, будучи по натуре существом хоть и возвышенным, всецело отданным науке, но не чуждым практичности, коия появлялась приливами, не способен был добровольно и без спора расстаться с этакую суммой.

— Пять медней! — повторил проводник чуть громче и пнул холщовую желто-лиловую сумку, приобретенную Себастьяном у корабейника за вместительность и исключительный внешний вид.

— В билетах сказано, что багаж входит в стоимость поезда.

— Один чемодан. — Проводник поднял палец, точно сомневаясь в способности упертого пассажира считать до единицы. — За остальное барахло — плати.

Платить пришлось.

Пан Сигизмундус возмущался.

Кипел.

Плевался латинскими изречениями, от которых на лице проводника появлялось выражение величайшей муки, долго и мучительно копался в кошельке, пересчитывая монетки, выбирая те, которые плоше.

Но заплатил.

И, поднявшись по крутой лесенке со ржавыми ступенями, велел:

— Подайте.

— Сам возьми, — хмыкнул проводник и повернулся к неприятному пассажиру задом.

— Вы взяли деньги!

— За провоз. Чумоданы свои сам таскай... небось, не шляхтич.

Пан Сигизмундус был оскорблен до самых глубин своей высоконаучной души, которая требовала мести и немедленно. Правда, месть она представлялась мероприятием сложным, почти невыполнимым, ибо был проводник крепкого телосложения, немалой ширины плеч да и кулаками обладал пудовыми.

— За между прочим... — Пану Сигизмундусу пришлось за багажом спуститься, на что лесенка ответила протяжным скрипом. — За между прочим... — Пан Сигизмундус оправил шарф и, не имея иных возможностей отомстить, — лимерик, который он дал себе слово сложить при первой же оказии, не в счет, — обдал проводника взглядом, исполненным презрения. — Предки мои сражались на Вроцлавском поле! И я имею титул барона... от дядюшки достался...

Это он сказал для панны Зузинской, которая за эскападою наблюдала с немалым интересом.

Проводник вновь хмыкнул.

Титула у него не было, да только ему и без титула жилось неплохо. И, отступив в стороночку — панну Зузинскую, добрую свою знакомую, он поприветствовал кивком, — проводник изготавился наблюдать. Вот щедущный студиозус ухватился за сумку, запыхтел, отрывая оную от земли. И с нею в полуобнимку попытался подняться... едва не упал и сумку выронил.

Что-то звякнуло. Задрезбужало.

А лик студиозуса сделался морковно-красным, ярким.

— Возмутительно! — воскликнул он.